

ИЗ НАУЧНОГО НАСЛЕДИЯ

© 2011 г. М. Л. ГАСПАРОВ

СЛОВО В СТИХЕ: ОБ ОДНОМ ТИПЕ ПРИЛАГАТЕЛЬНЫХ

Статья академика Михаила Леоновича Гаспарова (13.04.1935–7.11.2005), обнаруженная недавно в его архиве, посвящена проблеме синтаксической связности стихотворной речи и поведения в ней ритмико-синтаксических клише. Редколлегия журнала «Вопросы языкознания» считает необходимым публикацию новой для читателя статьи большого ученого – не только как память о нем, но и как актуальное исследование в области лингвистики стиха.

Научное изучение стиха в России, как известно, начал Андрей Белый в книге 1910 г. Но это еще не было изучение слова в стихе: для Белого его метр и ритм были скорее музыкой, чем последовательностью слов. Научное изучение слова в стихе начал Томашевский в статье 1917 г.: в ней он дал конечный список всех словосочетаний, которые могут уложиться в строку русского 4-ст. ямба, всего 36 (если с женскими и мужскими окончаниями, то вдвое, а если со сверхсхемными ударениями на 1-м слоге, то еще вдвое). Но говоря о словах и комбинациях слов, он учитывал только одну характеристику слов – ритмическую: слова с ритмом *таТАтата*, *таТАта*, *ТА*, *Вечерняя находит мгла*, образуют ямб, а слова с ритмом *татаТАта*, *таТАта*, *ТА*, *Голубая находит мгла*, не образовывали бы.

Следующий шаг был сделан только в начале 1980-х гг.: в поле зрения вошла не только ритмическая, но и морфологическая характеристика слова в стихе. Было подсчитано, что к словам различного ритмического облика по-разному тяготеют разные части речи: среди слов *таТАтата* вдвое больше прилагательных, чем глаголов, *веЧЕРняя*, а среди слов *татаТАта* в 2,4 раза больше глаголов, чем прилагательных, *прибеЖали* [Гаспаров 1984: 169–185]. И так всюду: прилагательные чаще имеют длинное безударное окончание (за счет суффиксов), глаголы – длинное безударное начало (за счет приставок). Тем самым ритмические схемы Томашевского *ТАта*, *ТАта* начинают как-то окрашиваться языком.

Попробуем сделать следующий шаг: вслед за ритмической и морфологической характеристикой включить в поле зрения синтаксическую характеристику слов в стихе. Поверхностные наблюдения делались и раньше: понятно, что если где-то в стихе стоит прилагательное *вечерняя*, то поблизости будет определяемое им существительное, а если где-то стоит глагол *прибежали*, то поблизости будут подлежащее, дополнение и/или обстоятельство к этому глаголу. Хотелось бы подойти к синтаксической характеристике слов в стихе с другой стороны, менее изученной, – со стороны порядка слов в языке. Нормативного порядка слов в русском языке, как известно, нет, есть лишь тенденции, изучены они очень мало; к ним и попробуем здесь прикоснуться. Для начала возьмем тот самый ритмический тип прилагательного, с которого мы начали: *таТАтата*, *веЧЕРняя*.

Давно было замечено – еще Томашевским и Шенгели, – что не всякий ритмический тип слова может стоять в строке на любом месте: если в нем есть два (или более) без-

ударных слога подряд, его позиционные возможности резко ограничиваются. Слово с ритмом *таТА* может стоять в 4-ст. ямбе на любой из 4 стоп: *Пора, пора! рога трубят*. Слово с ритмом *ТАта* может стоять на любой из 4 стоп, кроме первой: *Мелькают мимо будки, бабы*. Слово с ритмом *ТАтата* может стоять только на единственном месте: на 2-й стопе в словосочетательной комбинации *таТАта ТАтата таТА*, *Простая русская семья*, и более нигде [Гаспаров 1999: 18–25].

Ритмический тип слова *таТАтата*, который будет рассматриваться, может занимать в строке 4-ст. ямба две позиции: на 1-й стопе в двух словосочетательных комбинациях III ритмической формы (т. е. с пропуском ударения на 2-й стопе):

III.5 *Бесчувственной руки своей*
Мне нравились его черты
В Молдавии, в глуши степей

III.6 *Вечерняя нисходит мгла*
Оставила печальный свет
Поэзии священный бред

или на 2-й стопе в одной словосочетательной комбинации IV ритмической формы (т. е. с пропуском ударения на 3-й стопе):

IV.7 *Слова тоскующей любви*
Она готовила пожар
Текут элегии рекой

(Сразу – два важные предупреждения. Во-первых, речь идет о словах не графических, а фонетических, точнее метрических: *мне нравились* или *цель гетмана* считались одним словом так же, как *вечерняя*. Во-вторых, учитываются не только прилагательные в собственном смысле слова, но и другие части речи, изменяющиеся по парадигме прилагательных: причастия, некоторые местоимения: *Потерянных тобою дней, Которые в минувшии дни, И каждая шепнула ей*. При необходимости отсеять эти примеси легко, картина серьезно не изменится, но материал сократится и станет менее статистически надежен.)

Материалом по III форме послужили все строки соответственных словораздельных вариаций из всего 4-ст. ямба Пушкина: «Евгений Онегин», поэмы и лирика (из лирики исключались только эпические наброски и эпиграмматические и мадригальные мелочи), всего 390 строк. Материалом по IV форме – гораздо более частой, как известно, у Пушкина, – все строки соответственной словораздельной вариации из 4-ст. ямба одного «Евгения Онегина», всего 382 строки. Для сопоставления были взяты строки тех же вариаций из торжественных од Ломоносова (начиная с 1745 г.). Строки III.5 и III.6 ритмических форм не разделялись, строки с мужским и женским окончанием – тоже; если сделать такие разделения, то можно заметить некоторые небольшие различия в каждой разновидности материала, но объем порций будет невелик, и значимость этих расхождений сомнительна.

В качестве примеров на каждую форму брались три строки: чтобы ритмическое слово *таТАтата* было представлено прилагательным, глаголом и существительным: *Слова тоскующей любви, Она готовила пожар, Текут элегии рекой*. Кроме этого, на соответствующем месте изредка может стоять наречие (*Пастух по-прежнему поет*) и совсем изредка – какая-нибудь еще часть речи (*Вкруг дам, как около картин*). Посмотрим пропорции частей речи в ритмическом слове *таТАтата* в естественном русском языке (проза Пушкина, Гоголя, Толстого, Тургенева, Чехова), на первой позиции в стихе (форма III) и на второй позиции в стихе (форма IV) – все цифры, кроме числа слов, в процентах.

	Прил.	Глаг.	Сущ.	Нар.	Проч.	Число слов
Проза	41	21	31	5	2	823
Пушкин						
III форма	30	21	43	5	1	390
IV форма	55	13	27,5	4	0,5	382
Ломоносов						
III форма	47	13	39	1	–	201
IV форма	53	8	37,5	0,5	1	149

Бросается в глаза резкая разница: в III форме, на первой позиции стиха, доля прилагательных среди слов *таТАтата* значительно меньше общеязыковой: 30%, только 116 строк из 390 имеют вид *Вечерняя* находит мгла, остальные же – это *Мне нравились* его черты и особенно *Поэзии* священный бред. Наоборот, в IV форме, на второй позиции стиха, доля прилагательных среди слов *таТАтата* намного больше общеязыковой: 55%, 209 строк из 382, имеют вид *Дрожит печальная* луна, *Увял на утренней заре*, *И блеск и шумные пиры*, *Москвич в Гарольдовом плаще* и т. д. У Ломоносова разница в степени предпочтения прилагательных меньше, не 15, а только 6%, и процент прилагательных всюду выше, чем в прозе (из-за статично-описательного стиля оды?); но и у него IV форма более насыщена прилагательными, чем III, – тенденция, которая разовьется у Пушкина, уже налицо. Таким образом, из двух позиций в стихе, возможных для ритмического слова *таТАтата*, морфологически столь удобного для прилагательных, прилагательные предпочитают вторую позицию почти вдвое чаще, чем первую. Спрашивается, почему?

Для ответа попробуем обратиться к синтаксическим тенденциям прилагательных в естественном русском языке. Они изучались только на уровне слова: прилагательное в полной форме образует определение, *печальная луна*, а в краткой форме образует сказуемое, *луна печальна*. Однако есть еще уровень синтагмы и уровень предложения. Уровень синтагмы для нас сейчас и интересен. Известно, что стихотворная строка – по крайней мере в 4-ст. ямбе пушкинского времени – стремится к синтаксической замкнутости, анжамбманы в ней скорее исключение, чем правило. Это значит, что она сопоставима с синтагмой в русской прозе. Русские предложения членятся на синтагмы преимущественно 2-словные и 3-словные: *Однажды играли в карты / у конногвардейца Нарумова. // Долгая зимняя ночь / прошла незаметно; // сели ужинать / в пятом часу утра*. Первым обратил внимание на этот уровень строения русской прозы опять-таки Томашевский в статье 1920 г. [Томашевский 1929: 254–318], исследовав синтагмы «Пиковой дамы» (он предпочитал выражаться риторическим термином «колоны») с ритмической точки зрения. Затем интерес к синтагмам заглох: казалось, что членение текста на синтагмы слишком субъективно.

Между тем синтагматическое членение текста имеет, конечно, не только ритмический аспект, а и морфологический, и синтаксический. *Однажды играли в карты* – наречие, глагол, существительное (а не в ином каком-нибудь порядке!): сказуемое с дополнением и обстоятельством. *В пятом часу утра* – числительное-прилагательное и два существительных: определяемое с одним согласованным и одним несогласованным определением. Мы выбрали трехслойные синтагмы из «Пиковой дамы» (гл. 1–4) и «Капитанской дочки» (гл. 1–2), всего 680 трехсловий. Конечно, членение на синтагмы производилось на слух и тоже, вероятно, субъективно, поэтому желательно, чтобы кто-нибудь сделал параллельную выборку – может быть, на другом материале.

Из общего числа 955 трехсловий 276 содержат в себе прилагательное (или причастие), в том числе 8 трехсловий – по 2 прилагательных, и 2 – по 3 прилагательных, всего – 298 прилагательных. По позициям в трехсловной синтагме они распределяются так:

I позиция – 46 случаев:	<i>Графинину карету подали</i> <i>Сильное движение души</i>
II позиция – 195 случаев:	<i>Пошел мелкий снег</i> <i>Мужик с черной бородою</i> <i>Около опустелого дома</i>
III позиция – 57 случаев:	<i>Человек очень замечательный</i> <i>Но нашла его непоколебимым</i>

Всего, таким образом, из 298 прилагательных в прозаических трехсловах на I позицию приходится 15,5%, на II – 65,5%, на III – 19%. Уже в прозе, стало быть, прилагательные, независимо от их ритмического строения, решительно предпочитают не начальную, а срединную позицию в синтагме. Почему, мы не знаем: тенденции порядка слов в русском языке – слишком малоисследованная область, а на уровне синтагматическом – особенно. Наиболее частые словосочетания, включающие прилагательное на II позиции трехслова, это

глагол с подлежащим и к нему определение:	<i>Пошел мелкий снег</i> (11)
глагол с дополнением и к нему определение:	<i>Тратит лишние деньги</i> (53)
глагол с обстоятельством и к нему определение:	<i>Ели с большим аппетитом</i> (14)
существительное с несогласованным определением и к нему определение:	<i>Мужик с черной бородою</i> (34)
существительное с двумя определениями:	<i>Старый полинялый мундир</i> (29)

Но судить об этих цифрах, не имея достаточного сравнительного материала, невозможно. Можно лишь констатировать: в силу ритмических причин слова типа *таТАтата* могут занимать в 4-ст. ямбе только или 1-ю, или 2-ю стопу; в силу морфологических причин эти слова чаще, чем другие, оказываются прилагательными; в силу синтаксических причин эти прилагательные *таТАтата* чаще занимают 2-ю стопу, чем 1-ю, уступая 1-ю глаголам и существительным.

Наконец, сделаем еще одну контрольную проверку. В более длинном размере, цезурном 5-ст. ямбе, слова типа *таТАтата* могут занимать не одну, а две позиции внутри одной строки, на 1-й и на 3-й стопе: *И женская лукавая любовь*; а в бесцезурном 5-ст. ямбе и еще одну, на 2-й стопе: *Несут на сгорбленных плечах в могилу*. Спрашивается, к какой из этих двух позиций будут больше тяготеть прилагательные *таТАтата* – к позиции с ударением на 1-й стопе, *И женская* или с ударением на 3-й стопе, *лукавая*? После того, что мы видели в прозе, мы уже ожидаем: ко второй позиции, к 3-й стопе. Проверяем. В цезурном «Борисе Годунове» 763 раза встречаются слова типа *таТАтата*, в бесцезурных «Маленьких трагедиях», «Домике в Коломне» и «Русалке» – 510 раз. По частям речи эти слова на разных позициях распределяются так:

		Прил.	Глаг.	Сущ.	Проч.	Число слов
Цезурн.	1-я стопа	27	25	41	7	448
	3-я стопа	42	25	31	2	315
Бесцез.	1-я стопа	26	32	34	8	302
	2-я стопа	33	31	29	7	55
	3-я стопа	42	23	31	4	153

В цезурном 5-ст. ямбе «Бориса Годунова» на первой позиции, *И женская*, стоит 122 прилагательных, на второй позиции, *лукавая*, стоит 129 прилагательных – казалось бы, почти поровну, никаких предпочтений. Но это не так. Сам ритмический тип слова *таТАтата* возможен на первой (предцезурной) позиции с большей частотой, у него там меньше соперничающих слов и словосочетаний, а на второй (послецезурной) с меньшей частотой, там словосочетательных возможностей больше. Всего на первой

позиции в стихе «Годунова» 455 слов типа *таТАтата*, из них 122 прилагательных составляют 27%. А на второй позиции в стихе «Годунова» только 304 слова типа *таТАтата*, из них 129 прилагательных составляют 42%. Таким образом, от реальных возможностей словозаполнения строки прилагательные на первой позиции используют 27%, на второй 42%, тенденция та же: в трехсловиях прилагательные предпочитают вторую позицию первой.

Таким образом, и здесь чем ближе стоит слово типа *таТАтата* к концу строки, тем чаще оно оказывается прилагательным; строки *Еще одно, последнее сказанье* – в процентном отношении <встречаются> чаще, чем *Правдивые сказанья перепишет*. К каким общеязыковым тенденциям расположения слов в русском языке это восходит (может быть, подлежащие в теме, в начале фразы, меньше нуждаются в обрастании определениями, чем дополнения и обстоятельства в реме, в конце фразы), это пока только предмет догадок. Наша же цель – показать, что при расположении слов в стихе существенен не только ритмический облик слова, не только его морфологическая тенденция, но и его синтаксические тенденции – порядок слов.

Наконец, еще одно наблюдение. Мы говорили об одной части речи – о прилагательном. Какая часть речи обычно следует за прилагательным? Понятно, существительное: за определением – определяемое. Так вот, это тоже происходит по-разному, в зависимости от того, стоит ли прилагательное на второй или на первой позиции 4-ст. ямба. Если на второй, более частой, – то действительно, в 91,5% случаев за прилагательным следует существительное: *Дрожит печальная луна, Увял на утренней заре, Москвич в Гарольдовом плаще*, – здесь за прилагательным остается место только для одного слова, и, конечно, это существительное. Если же прилагательное стоит на первой позиции и за ним остается место для двух слов, то картина меняется: не в 91,5%, а только в 39% случаев за прилагательным прямо следует согласованное существительное: *На зеркальном паркете зал, От хладного разврата света*. Вместо этого поэт пользуется возможностью оттянуть определяемое существительное в конец: *Вечерняя нисходит мгла, Сомнительный рождался день*. Сравнительные подсчеты по Ломоносову дают почти в точности такие же цифры: 92% для IV ритмической формы, 33% для III. Стало быть, это тенденция общестиховая, а не индивидуально-авторская.

Исходя из позиционных предпочтений прилагательных *таТАтата*, мы можем приступить к ритмико-синтаксическим конструкциям, которые благодаря этому образуются. В схемах этих конструкций мы будем пользоваться следующими условными обозначениями: *A* – прилагательное (или причастие, или местоимение-прилагательное), *N* – существительное (или местоимение-существительное), *V* – глагол, *Ad* – наречие; слова, образующие словосочетание, обозначаются буквами без пробела, не образующие – с пробелом; если в словосочетании слова связаны управлением, то управляющее слово обозначается прописной буквой.

В словораздельной вариации IV.3, где прилагательное *таТАтата* занимает вторую позицию (209 строк у Пушкина, 79 у Ломоносова), а за ним, как мы видели, в 91–92% <случаев> следует существительное, эти ритмико-синтаксические конструкции особенно однообразны. Среди них выделяются три наиболее частые:

1) Прилагательному с существительным предшествует глагол, при котором они являются дополнением или обстоятельством (*V an*): *Взбесить оплошного врага, Нашел безвременный конец, Легла волнистыми коврами, Читал духовными глазами, Плыла по дремлющей реке, Скользим по лаковым доскам, Взлетел по мраморным ступеням, Плыва в таинственной гондоле, Сидит с поникшею главой* и т. п. – всего 22 строки. случаев, где они являются при глаголе подлежащим (*V AN*), вчетверо меньше – 5 строк: *Дрожит печальная луна, Завез кочующий купец, Текут невинные беседы* и т. п. Может быть, это общеязыковое (или общестилистическое) соотношение главных и подчиненных членов предложения, выраженных существительными и местоимениями: в прозе первых страниц «Капитанской дочки» оно равняется около 3,6. У Ломоносова аналогичных конструкций – *Спешит в неведомы народы, Седя на блещущем престоле* и т. п. – 7 строк (а *Стоят глубокие леса* – 2 строки).

2) Прилагательному с существительным предшествует существительное, при котором они являются несогласованным определением (*N an*): *Напев Торкватовых октав, Приют задумчивых дриад, Слова тоскующей любви, Язык девических мечтаний, И сад над светлою рекою, И стол с померкшею лампадой* и т. п. – всего тоже 22 строки. Случаев, где, наоборот, определением является предшествующее существительное (*n AN*, обратный порядок слов) – 13 строк: *Зимы блистательным ковром, Любви приманчивый фиал, Любви безумную тревогу, Любви безумные страданья*; а случаев, когда вдобавок прилагательное согласовано не с последующим, а с предшествующим существительным (*na N*, дважды обратный порядок слов) – еще меньше, 5 строк: *Любви мечтательной друзья, Стишков чувствительных тетрадь* и т. п. В прозе, понятным образом, такие конструкции с обратным порядком слов <встречаются> еще реже [Гаспаров 1996: 130–135]. У Ломоносова аналогичных конструкций – *Как ток великия реки, Как верьх высокия горы* – 6 строк (а *Петра Великого потомки* – 1 строка).

3) Прилагательному с существительным предшествует еще одно прилагательное (*Большой взъерошенный медведь* – 1 строка) или, гораздо чаще, местоимение-прилагательное (*A AN*): *В моей блуждающей судьбе, В своей нахмуренной красе, Его расчетливый сосед, С его безнравственной душой, Мои летучие творенья, Сие глубокое творенье* и т. п. – всего 24 строки. У Ломоносова – только 1 строка, *Твоя кротчайшая природа*. Зато обратный порядок местоимения и прилагательного, *Пространная твоя держава, Под сильною твоей рукою* встречается у Ломоносова 7 раз, а у Пушкина – *На сумрачном его лице, Всех маленьких ее подруг* – только 4 раза. Обратный порядок слов для стиля XVIII в. вдвое характернее, чем для пушкинского.

Всего, таким образом, у Пушкина на три самые частые ритмико-синтаксические конструкции (*V an, N an, A AN*) приходится 69 строк, 33% всех строк с прилагательным на второй позиции. У Ломоносова на них приходится 14 строк, 22% всех строк с прилагательным на второй позиции. По-видимому, можно считать, что степень клишированности строк ритмической вариации IV.3 от Ломоносова к Пушкину повышается, поэты начинают в большей степени мыслить не словами, а строками-синтагмами. Об этом говорит и еще один показатель. Среди трехсловий IV.3 наряду с полносвязными есть и неполносвязные – такие, в которых одно из слов синтаксически связано не со своими соседями по строке, а со словами из смежной строки: *...Она подавленным слезам, ...Она темнеющих очей, ...Она пред хладною толпой, Тогда от радостной Полтавы..., Тогда божественны науки..., Пять крат под счастливой державой...* и т. д. Среди строк с прилагательными на второй позиции у Ломоносова неполносвязные строки составляют 27%, у Пушкина 18%: степень синтаксической замкнутости строк заметно возрастает.

Из остальных, менее частых, ритмико-синтаксических конструкций вокруг прилагательного в трехсловиях IV.3 у Пушкина заметнее всего конструкции с однородными членами – 8 строк типа *И блеск и шумные пиры, Как тень иль верная жена, Детьми и верною женой*, и 2 строки типа *Хвосты хохлатые, клыки, Душой чувствительной, умом*; у Ломоносова таких строк 3 (*На мрак и вредные пары* и т. п.). У Ломоносова же заметнее всего конструкции с характерными для оды обращениями: *О вы, счастливые науки, Тобой, блаженная княгиня, А вам, блаженные супруги*, и т. п. – 5 строк; ср. у Пушкина: *О вы, почтенные супруги, И вы, блаженные мужья, И вы, знакомые леса*, и т. п. – тоже 5 строк.

Таковы клишированные конструкции вокруг прилагательных в словораздельной вариации IV.3. В словораздельных вариациях III.5–6, где прилагательное занимает начальную позицию (116 строк у Пушкина, 94 у Ломоносова) картина иная. Здесь у Пушкина три самые частые конструкции следующие:

1) За прилагательным с существительным следует глагол, при котором они являются дополнением или обстоятельством (*an V*): *И мрачную тоску наводит, Изношенных капотов просит, Неслышными шагами бродит, Полуденной красою блещет* и т. п. – всего 10 строк (обратный порядок слов вдвое реже, чем прямой, с глаголом впереди, *Легла волнистыми коврами*). Случаев, где прилагательное с существительным являлись бы подлежащим (*ANV*), – ни одного. У Ломоносова аналогичных конструкций – *Ужас-*

ные перуны мечет, С способными ветрами споря – 5 строк, и случаев с подлежащим – Как утрення заря сияет, Божественно лице сияет – тоже 5 строк.

2) За прилагательным с существительным следует существительное, служащее к ним несогласованным определением (*ANn*): *Безумная душа поэта, Летучие листки альбома, И дикие сыны степей, И дикие питомцы брани, Железные доспехи брани, Ты милые забавы света, От хладного разврата света* и т. п. – всего 16 строк (обратное расположение управляющего и управляемых слов, *an N* – только 2 строки, *И дикого народа нравы, И Бурцовой души угрозы*). У Ломоносова иначе: аналогичных конструкций – *Великое светило миру, Любезное светило дней* – 4 строки, и с обратным расположением – *Геройского восхода следы, Российския отрады день* – тоже 4 строки (ср. конструкции с причастиями: *В исполненной утех ночи, Усыпанный цветами луг* – 5 строк). Обратный порядок слов для стиля XVIII в. характернее, чем для пушкинского.

3) Прилагательное оторвано от существительного, и между ними вставлен управляющий глагол (*a Vn*): *Минутного искала сна, Он сладостный вкушает сон, Таинственный разрушить сон* и т. п. – всего 9 строк (7,5%); случаев, где прилагательное с существительным служат не управляемыми членами, а подлежащим – только 2 строки, *Вечерняя нисходит мгла и Сомнительный рождался день* (пропорция 4:1, нам уже знакомая). У Ломоносова аналогичных конструкций – *Согласные возносят клики, Священными шумит струнами, Он легкими шумит крилами, Блестящими шумя крилами* (клише превращается в формулу!) – 11 строк (12%). Прерывистый порядок слов для стиля XVIII в. характернее, чем для пушкинского.

Всего, таким образом, в вариациях III.5–6 у Пушкина на три самые частые вариации (*an V*, *AN n*, *a Vn*) приходится 35 строк, 30% всех строк с прилагательным на первой позиции; у Ломоносова (*a Vn*, *A AN*, *an V*) – 22 строки, 23%. Степень клишированности у обоих поэтов приблизительно такая же, как и в вариации IV.3, и у Пушкина она опять выше, чем у Ломоносова. Доля неполносвязных строк в этих вариациях (*На утренней заре пастух..., В день Троицын, когда народ..., Где мерзлыми борей крылами..., Пространными Китай стенами..., Коль славными она делами...* – такой же прерывистый порядок слов, как и в *Священными шумит струнами*) – у Пушкина 9%, у Ломоносова 12%; замкнутость строк и здесь повышается от XVIII к XIX в., хоть и не так резко, как в вариации IV.3.

Таковы клишированные конструкции вокруг прилагательных в словораздельных вариациях III.5–6.

Для сравнения рассмотрим наиболее частые ритмико-синтаксические конструкции, возникающие в вариациях IV.3 и III.5–6 там, где ключевое слово *таТатата* представляет собой глагол или существительное.

Вариации IV.3 с глаголом на срединной позиции *таТатата* у Пушкина насчитывают 50 строк. Три самые частые конструкции: 1) дополнение / обстоятельство + сказуемое + подлежащее, где дополнение, обстоятельство и подлежащее выражены существительными или местоимениями (*n VN*) – 9 строк (*В окно увидела Татьяна, Его лелеяла надежда, Гостей не слушает она, Земли касается она* и т. п.); 2) подлежащее + сказуемое + дополнение / обстоятельство (*NV n*) – 8 строк (*Поэт высказывал себя, Она готовила пожар, Она влюблялась в обманы, Она не ведает обмана* и т. п.); 3) дополнение / обстоятельство + сказуемое + обстоятельство, выраженное наречием (*n Vad*) – 5 строк (*В Москву отправиться зимой, Во всем ей веровал беспечно, У нас изменятся безмерно* и т. п.). Всего на три самые частые конструкции приходится 22 строки, 44%. Доля неполносвязных строк (*Потом, покорствуя природе..., Потом понравились; потом...* и т. п.) – 20%. Степень клишированности больше (а степень замкнутости меньше), чем в конструкциях с прилагательными; но эти цифры не надежны, 50 строк – слишком небольшой объем. У Ломоносова вариаций IV.3 с глаголом на срединной позиции (*Везде прославятся заслуги, Всегда роскошествует природа*) – еще меньше, всего 11 строк, так что сопоставительные подсчеты невозможны.

Вариации III.5–6 с глаголом на начальной позиции насчитывают у Пушкина 83 строки. Самая частая конструкция – 1) за глаголом следуют прилагательное и су-

существительное в роли дополнения или обстоятельства (*V an*) – 15 строк (*Описывать волшебный дом, Потупили смущенный взгляд, Готовится к кровавой битве, Дивилась столь долгой ночи* и т. п.). За ней с большим отрывом следуют: 2) то же, но с обратным порядком существительного и прилагательного (*V na*) – 7 строк (*Окончишь ли допрос нелепый, Осталась во тьме морозной* и т. п.); 3) за глаголом следуют прилагательное и существительное в роли подлежащего (*V AN*: *Упрямится печальный граф, Мне нравились его черты* и т. п.); 4) за глаголом следуют два существительных в роли дополнений или обстоятельств (*V n n*: *Не гонит уж коров из хлева, Ответствовать на бомбу смехом* и т. п.) и 5) за глаголом следуют два существительных, первое в роли дополнения или обстоятельства, второе в роли подлежащего (*V n N*: *И хлынула на волны кровь, И бегала за ним она* и т. п.) – все по 5 строк. Всего на самые частые конструкции приходится 27 строк, 33%, так же, как и при прилагательных, а доля неполносвязных строк (*Задумавшись, моя душа..., Преследовать любовь, и вдруг...*) – 22%, значительно больше, чем при прилагательных. У Ломоносова вариаций III.5–6 с глаголом на начальной позиции (*Родились бы Петры Велики, Отчаялись своей победы*) – только 26 строк, для сопоставительных подсчетов этого недостаточно.

Вариации IV.3 с существительным на срединной позиции *таТАтата* у Пушкина насчитывают 107 строк. Самые частые конструкции: 1) за существительным-подлежащим следуют существительное в роли несогласованного определения с прилагательным (*N na*) – 9 строк (*Ночей Италии златой, Вы, сны поэзии златой, Умы пустынников моих, Письмом красавицы моей* и т. п.); 2) два существительных в роли дополнений или обстоятельств и за ними глагол (*n nV*: *И в дверь украдкой глядит, К нему записочки несут, К нему на цыпочках летит* и т. п.); 3) существительное-подлежащее, существительное-дополнение или обстоятельство и за ними глагол (*N nV*: *Толпа в гостиную валит, А я так за уши драла* и т. п.); 4) глагол и за ним существительное с прилагательным в роли дополнения или обстоятельства (*V na*: *Брожу над озером пустынным, Сиди под кровлею пустынной* и т. д.) – все по 5 строк. Всего на самые частые конструкции приходится 19 строк, 18% – степень клишированности гораздо ниже, чем при прилагательных и глаголах, это потому, что синтаксические связи существительных более разнообразны. Доля неполносвязных строк (*Стоит Истомина: она..., С детьми всех возрастов, считая...*) – 24%, тоже значительно больше, чем при прилагательных.

У Ломоносова вариаций IV.3 с существительным на срединной позиции – 56 строк; самые частые конструкции: 1) прилагательное с существительным и управляющий ими глагол – 5 строк (*anV*: *Драги сокровища открой, Твои приятности любя* и т. п.); 2) существительное-подлежащее, существительное-дополнение или обстоятельство и глагол-сказуемое – 4 строки (*N nV*: *Плутон в расселинах мятется, Весь свет чудовища страшится* и т. п.); 3) два прилагательных (чаще – местоимений-прилагательных) по сторонам существительного – 3 строки (*ANA*: *С святой правдивостью твоей, Во всем наследии твоём*). Всего на три самые частые конструкции приходится 12 строк, 21%, – почти как у Пушкина: конструкции с существительными наиболее разнообразны, наиболее аморфны и менее всего эволюционируют в направлении к клишированности. Доля неполносвязных строк (*Она предстательством отраду..., Гряди, и светлостью лица...*) – 18%.

Вариации III.5–6 с существительным на начальной позиции насчитывают у Пушкина 165 строк. Самые частые конструкции: 1) управляющее существительное и за ним прилагательное с существительным в роли несогласованного определения – 15 строк (*N an*: *Под песенку старинных дней, Все звуками забытых дней, Вы, рыцари парнасских гор, На темени полночных гор* и т. п.); 2) два существительных в роли дополнений или обстоятельств по сторонам управляющего глагола – 12 строк (*nVn*: *К черкешенке простер он руки, И в радости лобзает руку, Элегию готовит ей, Я с трепетом открылся ей* и т. п.); 3) управляющее существительное и за ним существительное с прилагательным в роли несогласованного определения – 7 строк (*N na*: *В объятиях подруги страстной, «Кавказский пленник», II, В объятиях подруги нежной, «Руслан и Людмила», V, Доверчивость души невинной, Под бурями судьбы жестокой* и т. п.). Всего на три

самые частые конструкции приходится 34 строки, 21%, – почти как и в вариации IV.3. Доля неполносвязных строк – 27%. У Ломоносова вариаций III.5–6 с существительным на начальной позиции – 79 строк. Самые частые конструкции: 1) *Na an* – 12 строк (*Участница Петровых дел, Наследницей великих дел, Владычице российских вод* и т. п.); 2) существительное с прилагательным-местоимением и управляющий им глагол – 7 строк (*на V: Кто гордостью своей дерзнет, Что щедростью твоей цветет, В веселии своем гласит* и т. п.); 3) два существительных в роли дополнений или обстоятельств и управляющий глагол – 6 строк (*и пV: Щедротою в восторг приводит, И в ужасе себе не верит* и т. п.). Всего на три самые частые конструкции приходится 25 строк, 32%, – даже больше, чем у Пушкина. Доля неполносвязных строк – 14%.

Сравнивая эти показатели, мы видим:

а) Клишированность (доля трех самых частых ритмико-синтаксических конструкций) выше всего среди глагольных конструкций у Пушкина (впрочем, здесь цифры не вполне надежны). Далее она выше у Пушкина среди конструкций с прилагательными, а у Ломоносова – с существительными.

б) Клишированность в словораздельных вариациях IV.3 и III.5–6 различается незначительно, в пределах 3%. Исключения: глагольные конструкции у Пушкина (выше в IV.3) и субстантивные у Ломоносова (выше в III.5–6).

в) Синтаксическая замкнутость (как подспорье клишированности), вслед за общей клишированностью, у Пушкина выше среди конструкций с прилагательными, а у Ломоносова – с существительными.

г) Синтаксическая замкнутость среди конструкций с прилагательными выше в словораздельных вариациях IV.3 и ниже в III.5–6 (как у Пушкина, так и у Ломоносова), а среди конструкций с глаголами и существительными различия незначительны, в пределах 3–4%.

д) Клишированность конструкций с прилагательными (и, по-видимому, с глаголами) выше у Пушкина, чем у Ломоносова, клишированность конструкций с существительными выше у Ломоносова, чем у Пушкина. Кажется, будто клише с прилагательными были открыты позднее других.

е) Предпочтение тем или иным клишируемым конструкциям определяется (хотя бы частично) предпочтением прямого порядка слов обратному. Степень этого предпочтения, однако, различна. Если ограничиться теми конструкциями, которые выделены выше, то можно сказать, что для Пушкина предпочтительность прямого порядка «притяжательное местоимение – прилагательное» обратному – 6:1 (а у Ломоносова, наоборот, – 1:7); «определение – определяемое» – 2,8:1; «сказуемое – дополнение / обстоятельство» – 2,2:1; «управляющее существительное – управляемое существительное» – 2,1:1.

Все это относится к прилагательным и другим частям речи ритмического строения *таТАтата*, но, вероятно, некоторые из этих закономерностей имеют и более широкое значение.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Гаспаров 1984 – М.Л. Гаспаров. Ритмический словарь и ритмико-синтаксические клише // Проблемы структурной лингвистики – 1982. М., 1984.
Гаспаров 1996 – М.Л. Гаспаров. Порядок слов «определение – определяемое» в стихах и прозе // Московский лингвистический журнал. 1996. № 2.
Гаспаров 1999 – М.Л. Гаспаров. Синтаксические клише поэзии Пушкина и его современников // ИАН СЛЯ. 1999. Т. 58. № 3.
Томашевский 1929 – Б.В. Томашевский. О стихе. Л., 1929.